

ра кочевых сарматов, целью которых был, главным образом, грабеж позднескифского населения. Военные же действия Аспурга против тавров и скифов следует связывать с юго-восточной частью Таврики.

Заключительная глава монографии С.Ю. Сапрыкина посвящена времени правления наследников Аспурга – Гипепирии, Митридата Боспорского и обстоятельствам прихода к власти Котиса. Однако вряд ли стоит полностью отвергать, как «надуманный», вывод Ю.Г. Виноградова о том, что Полемон II все-таки пытался вооруженной силой захватить власть на Боспоре (с. 239). Отвергая это заключение, следовало бы вернуться к херсонесской надписи, на основе ревизии которой построено это заключение Ю. Г. Виноградова, и на основании конкретного эпиграфического анализа доказать несостоятельность его аргументации. Ведь ниже С.Ю. Сапрыкин признает, что «...в Риме могли рассматривать возвращение Полемона II в Понтийское царство как предварительный шаг для возможного будущего объединения этого государства с Боспором под римским контролем» (с. 239).

Достаточно подробно, на широком историческом фоне в монографии рассмотрены вопросы, связанные с причинами и ходом Римско-боспорской войны, в результате которой Митридат Боспорский был отстранен от власти и на боспорский престол посажен проримски настроенный Котис I. Однако удивляет скепсис С.Ю. Сапрыкина относительно участия Херсонеса в этих событиях (с. 257). Ведь заключение об участии Херсонеса на стороне Рима в войне построено не только на весьма показательном нумизматическом материале, но и на находках, сделанных во время раскопок варварского святилища на перевале Гурзуфское Седло, которые есть все основания связывать с сообщением Тацита (Ann. XII. 17) о судьбе римских военнослужащих с кораблей, выброшенных во время шторма на берег и перебитых таврами¹⁷. В этом отношении весьма интересна мысль о том, что Херсонес не только участвовал в войне, но и мог служить местом сбора римских войск накануне начала военных действий¹⁸.

Заканчивая эту рецензию, хотелось бы подчеркнуть, что монография С.Ю. Сапрыкина является серьезным, многоплановым историческим исследованием, построенным на комплексном анализе источников и практически всей имеющейся в настоящее время литературе. В ней дано авторское видение сложных и дискуссионных, а порой и еще вовсе не решенных проблем. Высказанные замечания не носят принципиального характера и во многом объясняются разным подходом к оценке тех событий, которые имели место в истории Таврики на рубеже нашей эры. В свете всего сказанного отметим, что монография С.Ю. Сапрыкина заслуживает высокой оценки и является существенным вкладом в разработку античной истории Северного Причерноморья.

В.М. Зубарь

© 2004 г.

«Одинокий остов гробницы» или как не нужно заниматься египтологией (Российский государственный гуманитарный университет. Центр египтологии им. В.С. Голенищева. Труды. Вып. 1. М., 2002)

Последнее десятилетие в отечественной гуманитарной науке ознаменовалось появлением многочисленных учреждений, новооснованных или отпочковавшихся от академических институтов. Само по себе это явление естественно как реакция на избыточную централизацию, господствовавшую на протяжении долгого времени, однако нельзя не признать, что во многих случаях главным мотивом для их создания является неудовлетворенное самолюбие их руководителей. При подобном подходе, к сожалению, исследовательская работа неизбежно отстает на задний план, а первое место занимает самореклама.

Вышедший недавно первый выпуск трудов «Центра египтологии им. В.С. Голенищева» под руководством Э.Е. Кормышевой являет собой яркую иллюстрацию этой тенденции. Открывает его фотография посла Египта в России на открытии Центра, завершает его фотография посла

¹⁷ Зубар В.М. Нові знахідки фрагментів римських шоломів у Тавриці // Археологія. 1993. № 1. С. 66–70; он же. Северный Понт... С. 33.

¹⁸ Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 165.

России в Египте на презентации Центра, а то, что находится между ними, по большей мере к науке не относится. Впрочем, речь в рецензии пойдет не о рекламе, а о статьях научных или претендующих на то, чтобы быть таковыми.

Первая из них, «Российская археологическая экспедиция в Гизе. Сезоны 1996–2002 годов», вышла из-под пера Э.Е. Кормышевой и посвящена раскопкам весьма интересной скальной гробницы $H^c(j).f-r^c(w)-\tau nh(w)$ (G 7948 = LG 75), в середине XIX в. неполно и неточно опубликованной Р. Лепсиусом и с тех пор не исследовавшейся. Предварительный отчет об этих работах уже был опубликован Э.Е. Кормышевой, О.В. Томашевич и М.А. Чегодаевым на страницах ВДИ (2000, № 1), и хотя к нему можно предъявить немало претензий, прежде всего по части отсутствия планов и рисунков, лишаящего археолого-эпиграфический труд первейшей ценности, он все же обладал основными характеристиками научной статьи. От новой статьи мы вправе ожидать описания достижений трех лет, прошедших после предыдущей публикации или хотя бы последовательного изложения нового материала, однако, к сожалению, ничего этого в ней нет. Собственно говоря, это вообще не научная работа, а скорее журналистика дурного пошиба. Не случайно центральное место в статье занимает рассказ о том, как в шахту упала, но не разбилась лампа для фотографических работ, пересыпанный пошлыми высказываниями вроде: «мы поняли, что египетские боги и духи умерших не простили нам нарушения их покоя» или «вернул нам все же дух Хафраанха необходимым для увековечения его памяти прибор» (с. 17–18).

Судя по всему, автор не имеет никакого представления о том, как должно описывать памятник. Многис важные детали отсутствуют вообще, зато другие повторяются по два, три, четыре раза. При этом высказывания на соседних страницах могут противоречить друг другу. Так на с. 11 говорится, что часовня гробницы L-образная, а на с. 12 что она прямоугольная. Не зная я, что Э.Е. Кормышева действительно работает в Гизе, я бы усомнился в том, что она видела описываемый памятник и египетские гробницы вообще. «Скальные... гробницы были высечены из цельного куска камня и трудно даже себе представить, сколько сил, терпения и знаний надо было приложить к тому, чтобы придать огромному куску необработанного камня форму гробницы...» (с. 10; курсив здесь и далее мой. — А.Б.), — так автор пишет о гробнице, полностью скрытой в скале и внешней формы не имеющей! Разумеется, можно подумать, что это только неудачное выражение (хотя обрыв плато трудно назвать куском камня), однако читаем дальше: «...скальная гробница к моменту нашего появления на плато была более чем на три четверти засыпана песком, и ее остов одиноко возвышался на склоне холма...» (с. 10). Остов гробницы, возвышающийся над обрывом, в котором она высечена — образ, хорошо характеризующий манеру работы члена-корреспондента РАЕН Э.Е. Кормышевой.

Примеры можно продолжить. Наклонный ход, ведущий в погребальную камеру становится у автора «пандусом» (с. 12, 16). Статуя в староегипетской гробнице оказывается «как правило» связанной с ложной дверью (с. 13) (на самом деле такие случаи представляют собой достаточно редкие исключения). Углубление в полу для саркофага превращается в «погребальное ложе» (с. 24), а жезл *hrp* — в *shn* (с. 23).

Особый разговор об использовании автором египтологической терминологии и общепринятых переводов терминов и устойчивых словосочетаний. Например, *суперструктурой* она почему-то считает часовню, шахту и погребальную камеру (с. 29), т.е., по сути, всю гробницу (разумеется, из перечисленных компонентов к суперструктуре относится только первый). Однако несколькими строками ниже говорится уже о «погребении без суперструктуры, состоящем из колодца и погребальной камеры» — похоже, что сам термин «суперструктура» для автора лишь красивое слово. Титул *shd* невозможно переводить как «начальник» (с. 20) — для этого был специальный термин *jmj-r3*, *shd* — это «наставник», ранг более низкий, чем «начальник». Перевод *sn n d.t.f* как «брат его по собственности» (с. 20) не просто коряв, но и бессмыслен, должно быть «брат его собственный». Имя автора знаменитого литературного текста Илувер, а не Илусер (с. 16) — этот вариант чтения опровергнут и забыт давным-давно, а имя великого американского археолога звучит как Райзнер, а не как Рейснер (с. 11 и далее).

К сожалению, все, что автор говорит о египетской идеологии, также совершенно неудовлетворительно. Например, присутствие статуй и рельефов, изображающих одного и того же человека условно молодым и пожилым якобы «вытекает из логики построения самой композиции гробницы (что бы это значило? — А.Б.), где умерший повторяет в вечности свой земной путь» (с. 12). Разумеется, что все гораздо сложнее — не останавливаясь здесь на этой проблеме, сошлюсь хотя бы на свою книгу «Человек и его Двойник» (СПб. 2001), и попробую лишь воззвать к элементарной логике: если «в вечности» человек действительно проходит этапы своей жизни, то что же с ним должно происходить по достижении старости? Он останется веч-

ным *струльдбругом* или же начнет новый жизненный цикл? Ни того, ни другого из памятников вывести нельзя.

Большая гробница предоставляет в распоряжение исследователя огромное число датировочных критериев. Автор, однако, ссылается лишь на несколько иконографических признаков (с. 23), притом делает это весьма непрофессионально. Ни «форма кресла», ни «форма жертвенного стола» в целом уже не могут быть признаны датировочными критериями – они слишком общи, работа сейчас ведется на гораздо более тонком уровне, критерии становятся все мельче и мельче. Датировки по методу Н. Шерпион требуют большой осторожности при использовании (см. *Seidlmayer S.J. // Archäologie und Korrespondenzanalyse: Beispiele, Fragen, Perspektiven. Espelkamp, 1997. S. 20–22*). Невозможно также для датировки скальной гробницы использовать без модификаций, как это делает автор, предложенный мной метод датировки по расположению изображений – он был разработан применительно к часовням мастаб с очень устойчивыми правилами оформления; в скальных гробницах закономерности тоже есть, но они другие, и поэтому прежде нужно их четко формализовать.

Особенно же удручает все, что Э.Е. Кормышева пишет о надписях. Здесь что ни слово, то откровение. Так, в одном из имен «иероглифы *hr* и *r* видны хорошо ... знаки *sw* и *mr* едва заметны», но «анализ остатков иероглифов позволяет предложить чтение *Hrj-mrw*» (с. 20); спрашивается, при чем здесь знак *sw*? В другом имени «ясно видны только ... иероглифы *r* и *i*, однако можно разглядеть также форму иероглифа δ , и имя прочитывается как *'Ispt*» (с. 21) – откуда же тогда взялась *r*? Титул 𓆎 вслед за Р. Вейлем действительно можно понимать как «распорядитель имущества царя» (собственно, конечно, «относящийся к вещи царевой» – другое дело, верно ли это понимание), но тогда его следует транслитерировать как *(j)r(j) (j)h(.t) n(j)-sw.i*, но ни в коем случае не как *rḥ nswi* (с. 22) – в противном случае интерпретация, отраженная в переводе, противоречит интерпретации, на которой основана транслитерация.

Венец всему – чтение названия пирамиды Хефрена, которое автор транслитерирует как *wr mr* и переводит как «великая пирамида» (с. 20, 22). Однако знак Δ в названиях пирамид служит *детерминативом* (это должны знать уже первокурсники), не говоря уже о том, что «великая пирамида» по-египетски будет *mr wr*, но никак не *wr mr* (о том, что определение в египетском языке стоит *после* определяемого, студенты также узнают на первых занятиях); наконец, в названиях пирамид входят имена их владельцев, и, следовательно, пирамида Хефрена называется *wr-h^c(j).f-r^c(w)*, «Велик Хафра». Безграмотное чтение названия пирамиды в сочетании с игнорированием графической перестановки знаков почета ради, создает монстра *wr mr n shd w^cb* (с. 22) вместо *shd w^cb(w) n wr-h^c(j).f-r^c(w)* – «наставник *уабов* пирамиды «Велик Хафра». Невольно возникает вопрос о степени знакомства автора с древнеегипетским языком.

Обращает на себя внимание и изысканная стилистика статьи. «Остатки дерева, составлявшего некогда саркофаг для покойного» (с. 15), «разрушить до основания потолок» (с. 18), «иероглифы, из которых состоит ее имя» (с. 21), «входной проем в погребальную камеру» (с. 25), «эта находка дала ключ к последующим работам» (с. 28), «...по оси старой дороги, некогда ведущей к входу в гробницу» (с. 29), «в восточной стене гробницы были встроены три неглубоких колодца» (с. 30) – и так на каждой странице. Читать этот труд может и было бы забавно, не будь он написан доктором исторических наук. «Мы сумели заставить рассказать о себе людей, живших, работавших, страдавших, любивших и веривших более четырех тысяч лет тому назад. Мы продолжаем учиться разговаривать с камнем, получая все больше ответов на молчаливо (!? – А.Б.) поставленные вопросы. Сохраненные письма и дела человеческие, воплощенные в безмолвии песчаника (в Гизе песчаника нет, а есть известняк мокатамской формации. – А.Б.), снова зовут нас в дорогу в надежде открыть науке новые имена», – этими словами, преисполненными ложного пафоса, к которому столь склонна Э.Е. Кормышева, завершает она свой опус.

Вторая статья сборника, «К вопросу о значении мифологемы Хора для идеологического обоснования царской власти в Египте в раннегосударственный период», написана С.М. Воробьевым. Поскольку поднимаемая проблема исключительно сложна, рассчитывать на какой-либо вклад в нее может лишь весьма опытный исследователь, и появление такой статьи молодого человека, никак еще не зарекомендовавшего себя в науке, может говорить либо об избыточной смелости, либо о полном непонимании того, на что он замачивается. К сожалению, справедливым оказывается второе. С.М. Воробьев не обладает никакой исследовательской техникой и строит свою работу на попытке заменить ее пустым теоретизированием, что совершенно очевидно для любого, имеющего хотя бы минимальное представление о египтологии.

В статье полностью отсутствует тщательный и детальный анализ памятников (впрочем, не тщательный тоже) – его заменяют ссылки на М. Элиаде и утверждение о необходимости поисков параллелей в «древнейших формах афразийской мифологии» (с. 37). Компаративизм – сам по себе вещь хорошая, но прежде, чем обращаться к нему, нужно четко описать и хоть как-то проинтерпретировать факты каждой конкретной культуры, исходя из них самих, и не заменять анализ попытками объяснения малопонятого еще более непонятым, ибо «афразийская мифология» реконструируется как раз на основании того, что автор хочет ею объяснить. К счастью для читателей автор не идет дальше деклараций.

Современная египтология находится на том этапе развития, когда по большинству серьезных проблем уже существует более или менее значительная литература и любая работа неизбежно должна начинаться с историографического обзора. При этом предполагается, что новый автор в состоянии по крайней мере оценить то, что сделано до него, и понимает логику своих предшественников. С.М. Воробьев не может даже этого. Приведу несколько примеров. Автор цитирует мою недавнюю статью о хоровом имени: «Хорово имя описывает не царя как Хора (что царь – это Хор, было банальностью и не требовало особого подтверждения), а Хора как царя, Хора в царе», – и делает из этого следующий вывод: «Продолжая эту мысль можно сказать, что с точки зрения египтян, царь в рамках сакрального бытия был Хором» (с. 36). Полноте: с моим пониманием можно соглашаться или не соглашаться, ибо оно весьма неортодоксально, но «продолжение» С.М. Воробьева диаметрально противоположно одному из основных моих выводов, что очевидно даже по процитированному отрывку. Высказывание Ю. фон Бекерата о том, что Хор и Сет были божеествами верхнеегипетскими по происхождению, у С.М. Воробьева вдруг почему-то превращается в подтверждение того, что культы Хора изначально существовали как в Верхнем, так и в Нижнем Египте (с. 40), и т.д. Неудивительно, что и собственные заключения автора принципиально алогичны. Например, он утверждает, что «первая попытка создать двухчленную модель (мира. – А.Б.) строилась по оси Север–Юг, а не Запад–Восток, как станет традиционным впоследствии», – что совершенно верно, хотя и банально, а далее вдруг объясняет это тем, что «Дельта еще не осознавалась египтянами как самостоятельная территориальная единица» (с. 41). Но ведь оппозиция, т.е. по-русски говоря *противопоставление*, может возникать только при наличии *двух* противопоставляемых объектов, в отсутствие же второго первый противопоставлять нечему.

Впрочем, все это мелочи. Говоря далее о «соляризации» Хора, С.М. Воробьев заявляет, что «древнейшее изображение Крылатого Диска относится лишь к времени (вообще-то по-русски должно быть “ко времени”. – А.Б.) V династии, времени, когда культ Ра достиг уже своего апогея» (с. 41). Однако первое известное изображение крылатого диска находится на костяном гребне Хора Змеи («Джета») (Каир. JE 471765), одном из наиболее знаменитых и часто упоминаемых в литературе раннединастических памятников. Не зная этого человек, считающий себя египтологом, просто не может. Но и это не предел. «Первый раз Осирис появляется в имени Хор (т.е. в хоровом имени. – А.Б.), равно как и вообще в царской титулатуре, при фараоне Хефрене («Хор: сердце Осириса»)» (с. 43). Это будет почище «великой пирамиды» Э.Е. Кормышевой: во-первых, Осирис вообще не может включаться в царскую титулатуру, поскольку она описывает царя живого, а Осирисом он становится только после смерти (единственное исключение – одно из имен Сети I, но оно хорошо объяснимо); во-вторых, самые ранние упоминания Осириса относятся только ко времени Исеса; в-третьих и главных: хорово имя Хефрена – *wsr-jb*, «могучий сердцем», и спутать это *wsr* с *wsjr*, «Осирис», может лишь человек, никогда не видевший сереха Хефрена и вообще не знающий иероглифики.

Вывод: С.М. Воробьев к египтологии не имеет никакого отношения и скрывает за своим теоретизированием дремучую безграмотность, а ответственный редактор сборника в лучшем случае не читает рекомендуемых ею в печать статей, а в худшем – не видит элементарных ошибок.

Если две уже рассмотренные статьи однозначно негодны, то третья, написанная Н.А. Тарасенко, «17-я глава древнеегипетской Книги Мертвых (перевод и комментарий)», производит иное впечатление. Я отнюдь не хочу сказать, что она хороша – публиковать ее ни в коем случае не следовало – но ее автор, как мне кажется, по крайней мере, интересуется предметом и не занимается сознательной имитацией – он просто еще не умеет работать по-настоящему. Больше всего эта обширная статья (с. 47–92) напоминает студенческую курсовую работу, в которой находится место всему, что знает автор, но отсутствует многое из того, что действительно необходимо. На двадцати двух страницах рассказываются общеизвестные вещи о Книге мертвых, причем выбор использованной литературы очень случаен – от принципиально важных трудов до популярных работ и статей, упоминаемых только потому, что они ненароком попались автору

на глаза. Там, где нужно делать самостоятельные заключения, автор оказывается беспомощен из-за незнания памятников. Лучшей иллюстрацией этого служит утверждение Н.А. Тарасенко, что одна из глав Книги мертвых восходит к Старому царству, так как она присутствует на саркофаге Микерина (с. 54). Действительно, она там есть, но только этот деревянный саркофаг (точнее, его фрагменты, Британский музей 6647) не имеет никакого отношения к IV династии, так как он вторичен и был изготовлен для Микерина не раньше саисского времени. Неверно и то, что Книга мертвых является «первым в истории образцом 'бланка'», в том смысле, что она изготавливалась не для конкретного заказчика и имя хозяина вписывалось в нее только в момент продажи (с. 53). На самом деле безадресное изготовление памятников – явление довольно частое, и, как сейчас доказано, даже целые гробницы могли создаваться «про запас» (*Manuelian P. // JARCE. 1998. 35. P. 115–127; также Bolshakov A.O. // Mélanges offerts à Edith Varga. Budapest, 2002. P. 65–80*).

После этого «введения», занимающего добрую половину статьи, но исследованием не являющегося, следует перечень вишенок к 17-й главе Книги мертвых. Уместный в монографическом исследовании (при условии полного учета версий), здесь он выглядит ненужным украшением, тем более, что учитывается только папирус Ани. Наконец, приводятся транслитерация и перевод 17-й главы – то, ради чего и написана статья. Для специалиста чтение Книги мертвых в наше время – задача чисто техническая, особенно в свете того, что уже сделано в рамках возглавляемого И. Мунро боннского проекта изучения этой группы текстов, поэтому говорить о каких-либо достижениях не приходится. Есть, конечно, и комментарий к переводу, но он бесконечно далек от современных требований к критике текста вообще и даже от того, что разбирается в том же Бонне на учебном семинаре по 17-й главе, который ведет У. Рёсслер-Кёлер. Во вступительной части автор много говорит о глоссах, в изобилии встречающихся в этой главе, он даже считает их наиболее важной ее чертой, однако в самих комментировании о них не упоминается.

Публиковать свою работу следует только в том случае, если она прибавляет что-то к нашим знаниям о предмете. Да, мы имеем теперь первый русский перевод 17-й главы – но это и все, что можно сказать о рецензируемой статье. Уровень тридцатилетней давности, отразившийся в книге Рёсслер-Кёлер (так, а не Кехлер, как пишет автор) остается непревзойденным, и, стало быть, статья бесполезна. И все же Н.А. Тарасенко не безнадежен и, если будет учиться, наверное, сможет стать профессионалом. Его ошибка состоит в том, что он переоценил свои нынешние знания и умения и выставил на суд читателей чисто ученическую работу. Объясни ему это в свое время старшие коллеги, не было бы необходимости говорить резкие слова в печатной рецензии. Вероятно, объяснять было некому.

Две следующие статьи, посвященные компьютерной тематике, на первый взгляд производят гораздо лучшее впечатление, поскольку в них по существу нет египтологии, в которой авторы так слабы. В одной из них (Э.Е. Кормышева, Е.И. Голованов, А.Е. Голованов, О.С. Петрова. «Seshat – полнофункциональный процессор египетского иероглифического письма») описываются принципы программы, уникальной по восстановке задачи – набор иероглифов непосредственно в текстовом редакторе, а не в отдельном приложении, как это делается до сих пор, – которая, если бы работа над ней была завершена и ее удалось бы продвинуть на рынок, имела бы шанс стать серьезным конкурентом господствующему сейчас в области компьютерного набора иероглифов WinGlyph/MacScribe. Действительно, набор и редактирование иероглифического текста существенно упрощаются, а представление знаков не в виде импортируемой графики, а в виде шрифта, позволяет избежать неизбежного при других подходах значительного увеличения объема текстового файла (авторы забывают сказать еще об одном преимуществе шрифтов: если в WinGlyph/MacScribe иероглифы состоят из набора не связанных друг с другом отрезков прямых и соответственно создание заливок, часто являющееся насущной необходимостью, принципиально невозможно, а контуры знаков при увеличении становятся неровными, то шрифтовой знак, представляющий собой замкнутую кривую Безье, этих недостатков не имеет). Вместе с тем нельзя, как это делают авторы (с. 94), отрицать такое свойство WinGlyph/MacScribe, как возможность использования его кодировок в базах данных – при создании программы предполагалось, что она может применяться для текстологического анализа.

Однако дело обстоит не так просто, как кажется, и это удерживает меня от оптимизма. Идея комбинации иероглифов как шрифтовых знаков непосредственно в текстовом процессоре принадлежит К.И. Демичу, имя которого в статье не упоминается, что само по себе неприятно. В 1999 г. его программа *Notus*, лежащая в основе нынешней *Seshat*, уже начинала работать, и я мог с ней ознакомиться на деле, когда разработчики привозили демонстрационную версию ко мне в Петербург. Разумеется, это было только началом проекта, который требо-

вал еще большого труда, однако основные достоинства программы были очевидны. Затем К.И. Демич продолжил работу уже с Э.Е. Кормышевой, затем он вышел из проекта, который остался в Центре и сменил название *Horus* на гораздо более удачное *Seshat*. К сожалению, судя по описанию, приведенному в статье, в отсутствие К.И. Демича большого прогресса помимо перемены имени не было, более того, программа утратила некоторые возможности, заложенные в *Horus* (я говорю не о том, насколько сильно была переписана программа – возможно, она была даже написана заново – речь идет о подходах). Насколько можно судить по малому что описывающему описанию, за несколько лет получился достаточно примитивный клавиатурный драйвер (авторы и сами называют свою программу именно «драйвер *Seshat*»). Разумеется, судить по описанию трудно, и я попытался найти документацию и саму программу в Интернете, на странице www.fr.ru/seshat, на которую дается ссылка. Такая страница действительно существует, но на момент написания рецензии (декабрь 2003 г.) она была совершенно пуста, а во время чтения корректуры (май 2004 г.) на ней появился текст, который, вероятно, может служить рекламой, но никак не документацией; текст скверно переведен на английский, набран с ошибками, а кусок его с середины одного из абзацев остался вообще не переведенным. Зато имеется раздел о египетском письме, из которого можно узнать, что египетские иероглифы «не столь примитивны, как китайско-японско-корейские» – интересно, что бы это значило. Демо-версия «драйвера *Seshat*» также появилась, и ее можно скачать. Она полностью соответствует тому, что сказано в статье, т.е. позволяет выстраивать последовательность иероглифов, не более того; при этом расположение знаков задается цифрами, а не прокруткой, как это делается хотя бы в *WinGlyph*, что крайне неудобно. *Help* не содержит никакой практической информации и абсолютно бесполезен. Иными словами, программа явно недоделана, и в свете всего этого возникают серьезные сомнения и в будущем гораздо более универсальной программы *Seshat Pro*, анонсируемой и рекламируемой в статье.

Вторая компьютерная статья (Е.И. Голованов, Э.Е. Кормышева. «Логическая структура многослойной базы данных 'Лахунские папирусы музея Петри'» (почему не Питри? – А.Б.)), чисто декларативна, поскольку речь в ней идет о проекте, очень далеком от завершения, хотя и весьма важном. Описываемая база данных обладает достаточно стандартным для программ такого рода набором характеристик, поэтому сама по себе, помимо внесенной в нее информации, она едва ли представляет собой какой-либо интерес и не заслуживает специального описания. Зато в тех немногих словах, которые об этой информации все-таки говорят, можно найти настоящие откровения. В базу данных, оказывается, должна заноситься «графическая прорисовка (папирусов. – А.Б.) с сохранением размеров и положений иероглифов» (с. 102). Какис иероглифы имеются в виду, если папирусы *иератические*? (речь не о иероглифической транскрипции иератики, так как о ней говорится отдельно, а об оригинальном тексте). Однако на предыдущей странице вообще говорится о «прорисовке *демотического* письма!» Комментарий излишни: остается только поздравить Э.Е. Кормышеву с открытием демотики в Среднем царстве.

Завершает сборник статья С.В. Архиповой «Д.Г. Бурылин и дело его жизни. Неопубликованные египетские памятники в музейных фондах Иваново». Она невелика, носит чисто информационный характер и поэтому не содержит ошибок, что на общем фоне рассмотренных публикаций производит приятное впечатление, хотя двух страниц для сколько-нибудь серьезной работы явно недостаточно. Остается только надеяться, что когда-нибудь ивановская лекция будет опубликована полностью.

В целом первый том «Трудов» принадлежит к числу публикаций, которые выходят за пределы того, что с любой натяжкой можно называть наукой. Стоило ли в таком случае тратить время на написание столь обширной рецензии – ведь непрофессионализм авторов очевиден и на египтологию этот сборник никакого влияния не окажет. Возможно, я бы и промолчал, если бы не одно обстоятельство – имя В.С. Голеницева на обложке. Потворствовать такой профанации я не желаю.

А.О. Большаков